

БИЗНЕС И ВЛАСТЬ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

Специальный круглый стол Кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти в рамках XIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества «Устойчивость российской экономики и общества: угрозы, риски, возможности» (6 апреля 2022 г.)

Шохин Александр Николаевич (д.э.н., профессор, заведующий Кафедрой теории и практики взаимодействия бизнеса и власти, президент НИУ ВШЭ, президент Российского союза промышленников и предпринимателей): Уважаемые друзья, очень приятно видеть всех вас здоровыми, энергичными, готовыми подискутировать друг с другом и оппонентами, находящимися за пределами НИУ ВШЭ и даже Российской Федерации. Сегодня у нас в рамках XIII Ясинской (Апрельской) конференции проходит традиционный Круглый стол Кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти. В условиях последних событий, тема взаимоотношений бизнеса и власти становится ключевой.

Президент и Правительство с 24 февраля озабочены тем, чтобы подготовить бизнес и экономику к условиям санкционного давления. Правда, по оценкам экспертов, никто не предполагал, что санкционное давление будет таким жестким и продолжительным. Санкционные пакеты идут один за другим и непонятно, закончатся ли они или будут в течение специальной военной операции множиться. Мы понимаем, что если в ближайшее время состоится

урегулирование ситуации на Украине, то санкции моментально не будут отменены, мы не вернемся в состояние 23 февраля. Надо иметь в виду, что какие-то санкции вводились уже с 2014 года. Практика показывает, что санкции моментально вводятся, а отменяются поэтапно, и вместо тех обстоятельств, которые привели к этому, даже при условии изменения обстоятельств, всегда находятся новые причины. Как было в своё время с знаменитой поправкой Джексона-Вэника, причина введения которой была связана с эмиграцией евреев из Советского Союза. Мы знаем, что в последние годы существования Советского Союза те, кто хотел уехать – уехали, многие из тех, кто уехал – вернулись и даже участвовали в создании российской экономики, реализовывали свои бизнес-проекты. Поправка же оставалась, для нее находились все новые причины. Только вступив в ВТО, Россия сумела добиться выведения страны из-под поправки Джексона-Вэника на постоянной основе, а до этого решения принимались на ежегодной основе. В данном случае найдутся поводы, которые даже после урегулирования будут оставлять санкционный шлейф, и санкционное

давление, безусловно, будет продолжаться. В этих условиях российский бизнес должен ориентироваться на абсолютно новые условия. Они связаны с нарушением цепочек поставок, уходом партнёров, с которыми выстраивались отношения в течение многих лет. Это будет связано с потерей рыночных ниш на международном рынке. Те ограничения, которые вводятся (например, недопуск российских судов к европейским портам), физически приведут к тому, что российских экспортёров кто-то начнет замещать. С другой стороны, возникает проблема, связанная с производством, поскольку сокращения экспорта по ряду позиций существенно. Не только углеводороды, но и металлургия и минеральные удобрения во многом ориентированы на экспортные рынки. По минеральным удобрениям нашу нишу заполнить трудно, так как это чревато резким снижением поставок по ряду позиций и ростом цен. В случае с металлопродукцией, учитывая, что есть множество производственных мощностей, вытеснение нас с рынка санкционными механизмами может привести к тому, что придется сокращать объемы производства. Важный критерий сегодня – сохранение занятости на предприятиях, а чтобы сохранить занятость, нужно находить новые возможности поставок на внутренние рынки, искать новые внешние рынки. Но здесь всё тоже не так просто, потому что простая ориентация на Китай, как мы думали еще месяц назад, быстро не реализуется из-за опасения вторичных санкций. Вторичные санкции могут привести к тому, что новые контракты вряд ли смогут быстро заключаться. По старым контрактам восточные соседи будут себя аккуратно вести, но что касается новых, то они будут тщательно взвешиваться. Публичные компании, находящиеся на виду и работающие на международных рынках, будут с опаской подходить к преодолению эмбарго, которое фактически вводится многими западными странами. Если сохранять объемы производства, то возникает дилемма:

работать на склад или сокращать объём, но тогда себестоимость может резко измениться. Если сохранить объёмы выпуска прежние, то спроса не будет. Рано или поздно это повлияет не только на производственный процесс, но и финансовые показатели. Цепочка последствий достаточно серьёзная.

Сегодня мы хотим поговорить именно об этом. В своё время мы назвали Круглый стол «Устойчивость российской экономики: угрозы, риски, возможности». Мы считаем, что и сегодня можно говорить в этих терминах, связанных с угрозами и рисками в текущей ситуации и возможным продолжением их в будущем. Мы хотели посмотреть не только экономический компонент, но и влияние этой ситуации на социум, на общественные настроения. В этой связи важно смотреть и изучать результаты социологических опросов, их динамику. Мы пригласили не только традиционных участников круглого стола – профессоров и сотрудников Кафедры. Мы позвали Валерия Валерьевича Федорова – к.полит.н., профессора, заведующего базовой кафедрой Всероссийского центра изучения общественного мнения департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Генерального директора ВЦИОМ. Начнем с выступления профессора Полякова Леонида Владимировича, потому что он любит ставить острые вопросы.

Поляков Леонид Владимирович (д.ф.н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти, профессор-исследователь департамента политики и управления факультета социальных наук НИУ ВШЭ, член совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека): Спасибо, Александр Николаевич. Коллеги. действительно, ситуация очень непростая, и последствия не очень ясны. Но мне показалось интересным проанализировать то, что происходит с нами – может ли давление со стороны Запада быть конвертировано в какую-то позитивную составляющую, или

все так безнадежно, что нужно думать только о том, как выстоять и считать только потери? Я постараюсь кратко перечислить возможные выгоды, которые можно извлечь из нынешней ситуации. Первое, с точки зрения власти, которая взаимодействует с бизнесом, крайне важно, что в результате давления Запада рост популярности власти очевиден. Этот рост популярности имеет политический смысл, потому что в поддержку В.В. Путина перетекает электорат нейтралов и тех, кто голосует за другие партии. Думаю, что в связи с кончиной Владимира Вольфовича Жириновского достаточно большой сегмент его электората напрямую будет поддерживать Президента. Второе, любые проекты, которые опираются на поддержку Запада, становятся невозможными. С точки зрения власти, это позитивный момент. Третье, как мне кажется, наступает время жесткого правового прессинга на любые коррупционные схемы, на прямое воровство бюджетных средств.

Экономические последствия. Во-первых, импортозамещение, о котором говорят с 2012 г., теперь действительно неизбежно. Другой вопрос, как оно пойдет? На мой взгляд, сферы хайтека и новые информационные технологии, это те отрасли, в которых в ближайшее время возможно прорывное развитие. Во-вторых, через 5-7 лет, возможно, мы перестанем поставлять, по крайней мере, на Запад, углеводороды. Этот экспорт, на котором держится 1/3 или 1/4 нашего бюджета, нужно куда-то девать. Это вызов для нас, потому что нужно научиться делать продукцию высокого передела из нефти и газа. В-третьих, поток вывоза капитала пересохнет, а что с ним делать внутри - тоже большой вопрос. Но сам факт, что он будет оставаться в России - уже приятная новость. В-четвертых, наращивание инвестиций в основные фонды в уже существующие предприятия и во вновь создаваемые. При всех экономических потерях, которые мы сейчас несем, перспективы, если не очень радужные, но не лишаящие нас оптимизма.

Социокультурные последствия. Создания благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса. Каждый раз, когда мы собираемся, и Сергей Ренатович Борисов докладывает о том, какой низкий процент МСП в сравнении с развитыми странами, сердце болит. Думаю, что сейчас для МСП - золотое время.

Шохин А.Н.: Вы имеете в виду, что крупный бизнес станет малым?

Поляков Л.В.: Нет, малый станет крупным. Есть большая проблема неравномерности регионального экономического развития. Если я точно помню, то только 11 регионов самодостаточны, остальные - реципиенты. Думаю, что запуск развития МСП - реальная возможность развития регионов. В связи с трудностью отдыха за рубежом, есть хорошие шансы для развития внутреннего туризма. В России есть множество курортных мест: зимние и летние курорты, которые пока не освоены. Типичная ситуация: зачем ехать в Сочи, где в 4 раза дороже, чем в Турции, но по качеству обслуживания хуже.

Шохин А.Н.: Особенно, если будет не чем летать.

Поляков Л.В.: Да, безусловно. Еще один аспект связан с тем, что наши примы и лучшие представители художественного цеха типа Валерия Гергиева и других, не могут выступать за рубежом. Они все теперь будут гастролировать по России. В каждом уголке России появится высокая культура.

Последнее. На мой взгляд, существуют 4 геополитических последствия. Во-первых, усиленное финансирование НИОКР в области новейшего оборонительного наступательного оружия. Во-вторых, завершение процесса возвращения страны как самостоятельного центра силы на глобальном геополитическом рынке и укрепление статуса России в качестве суверенного и экономически независимого государства. В-третьих, новое позиционирование России на азиатском рынке в качестве центра притяжения для

постсоветских государств центральной Азии. И последнее, если все предыдущие позиции, так или иначе, начнут действовать, то мы можем рассчитывать на паритетное партнерство с КНР, основанное на важном совпадении национальных интересов.

Это мой оптимистичный взгляд. Не обязательно то, что это будет сделано, но это может быть реализовано. Это чисто логический прямой наказ всем, кто сейчас находится на пунктах управления страной. Еще можно добавить многое, но, если эти базовые позиции будут развиты, то мы выстоим.

Шохин А.Н.: На самом деле, если это развить, то точно выстоим. Чтобы выстоять, точно их нужно развить. Вы сказали о финансировании новейшего вооружения. Тут много нюансов, которые нужно учитывать. Мы стали применять гиперзвуковое оружие, американцы тут сильно отстают. Испытывали уже в прошлом году, и в этом. Наверное, нам нужно двигаться дальше и тратить деньги на исследования в этой области, но главное, не надорваться. Равное партнерство с Китаем – это тоже хорошая возможность. Однако все зависит от того, как видит Китай свои национальные интересы.

Поляков Л.В.: Абсолютно согласен со всем сказанным, Александр Николаевич. Однако сегодня ситуация принципиально другая, нежели в эпоху «звездных войн», когда резко упала цена на нефть – главный источник наших доходов, что не позволяло нам конкурировать с американцами. Сейчас цена на нефть высока.

Шохин А.Н. Спасибо. Михаил Юрьевич, что у нас там с государством и правом?

Барцевский Михаил Юрьевич (д.ю.н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ, полномочный представитель Правительства Российской Федерации в высших судебных инстанциях, заслуженный юрист Российской Федерации): Добрый вечер, коллеги. Поскольку Александр

Николаевич попросил, то мое выступление будет эмоциональным. Жутко интересно стало жить. Леонид Владимирович, вы просили меня прокомментировать коррупцию. Вынужден Вас расстроить, но с моей точки зрения уровень коррупции будет возрастать, поскольку известно, что чем сильнее государство и чем больше у него власти, тем выше уровень коррупции. Уровень коррупции снижается только при расширении конкуренции. Строгость наказаний, количество проверок контрольных органов ни к чему не ведет.

Еще со студенческих времен я считал, что международное право – это фикция, потому что любое право, которое не имеет механизма принуждения, это не право, а договоренность, пожелание. События последнего времени показали, что международного права нет. Международное право – это право сильных государств. Когда одно государство почувствует себя сильнее других, оно начинает трактовать международное право так, как ему удобно. Международное право закончилось. Это общее соображение, но значимое для нас. Сегодня надо понимать не только, как и что финансировать, какие цепочки выстраивать, но и в каком мире мы будем жить, и в каком уже живем. Все понимают, что будет новая реальность, но никто не понимает какая именно. Понимание новой реальности даст понять, что те представления о добре и зле, которыми мы жили последние 30 лет, оказались иллюзией. Возьмите два столпа западного общества, западной демократии и западного законодательства – это священное право собственности и свобода слова. Ни того ни другого в нужной ситуации не оказывается. Я сейчас даже не беру события после 24 февраля. Я беру, например, события, когда отзывается лицензия у Russia Today, когда не распространяется наша пресса. Это все было и до 24 февраля. О какой свободе слова можно говорить, когда действующего президента США Дональда Трампа вырезают из информационного пространства. То есть, свобода слова – это

фикция, используемая только тогда, когда надо и для того, кому надо.

Что касается права собственности, то сегодня утром открываю газету и читаю, что Латвия заморозила и наложила арест на имущество российских артистов. Заметьте – не политиков или чиновников. А они здесь причем? Надо просто понимать, что в дальнейшем мы живем и играем без правил. Поскольку мы сегодня много вспоминаем китайских товарищей, я хочу напомнить, что китайские товарищи еще лет 30 тому назад стали игнорировать международную территориальную собственность. Они просто брали любую деталь и начинали ее производить у себя. На них подавали иски в суд, они их проигрывали, но плевать на это хотели и продолжали работать себе дальше. А эти правообладатели продолжали с ними иметь дело. Сегодня все международные отношения, в том числе, экономические – это право сильного.

О чем бы мы ни говорили, надо грамотно писать законы. У нас абсолютно игнорировали юридические техники и разумность законодательства. Я могу объяснить почему. Я хорошо помню ранние 1990-е годы, когда нужно было социалистическую плановую экономику перевести на рыночные рельсы. Для этого требовалось как минимум законодательство. У нас подошла рецепция американского законодательства в области ценных бумаг, банкротства и финансового права, а также рецепция немецкого законодательства в области корпоративного права. Это было тогда уже смешно, потому что в одном случае мы имеем дело с прецедентным правом, а в другом – с кодифицированным. Почему у нас 6 или 7 редакций Закона о банкротстве? Именно поэтому. 2 года назад в Гражданском кодексе, наконец, попытались неуклюже задать организационно-правовую форму для бизнеса, когда в течение 25 лет наблюдали и не понимали, почему российский бизнес регистрируется на Западе. Не из-за прибыли, а потому что там законодательство более удобное. Пусть

неуклюже, но, слава Богу, попытались наше законодательство привести в соответствие с потребностями бизнеса.

Приведу два свежих примера. Недавно был принят закон об уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации о деятельности и действиях Вооруженных Сил, предусматривающий до 15 лет в случае тяжких последствий. Этот закон можно принимать хоть 10 раз, но он не исполним в принципе (по крайней мере, корректно), потому что как только появляются слова «заведомо ложный», это уже не доказуемо. Или еще другой законопроект об уголовной ответственности за исполнение западных санкций. Вопрос в том, что у нас в России может быть предусмотрена ответственность за неисполнение опубликованных российских законов. Но санкции не являются российским законом, и они не опубликованы.

Шохин А.Н.: Михаил Юрьевич, неисполнимыми законы об уголовной ответственности за фейки и санкции, будут до тех пор, пока кто-то не получит реальный срок. Был поднят вопрос о том, что малому бизнесу скоро будет хорошо житься. Сергей Викторович, Президент в первый день военной операции сказал, что главное сейчас – свобода предпринимательства. Наверное, для малого бизнеса свобода предпринимательства это главное? Эта свобода чувствуется в последний месяц?

Борисов Сергей Ренатович (PhD, к.э.н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ, Председатель Попечительского совета Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ»): Наш Президент в последнее десятилетие говорил много правильных вещей, которые надо было записывать в КРП, программы и дополнять. По крайней мере, при моем участии на форумах «Опоры России» Президент говорил, что малого бизнеса должно быть не меньше

50% по занятости. Хоть кто-нибудь поставил себе это в КРП? Нет.

Но я хотел начать с другого. Мне показалось непонятно заглавие нашего сегодняшнего семинара: «Устойчивость российской экономики». Устойчивость – это способность системы сохранять текущее состояние при влиянии внешних воздействий. То есть, мы останавливаемся на статус-кво и хотим остаться в текущем состоянии? Не получится. Уже другая парадигма. Уже надо говорить о возможности развития и сохранения экономики в *условиях* кризиса, который грядет.

Если честно, малый бизнес всегда был адаптивен к кризисам и выходил из положения достаточно достойно. 2008 и 2009 годы – безработица увеличилась на миллион человек, а малые предприятия практически не увольняли своих работников за редким исключением. Было падение поступлений в бюджет на 22% в среднем, а налоги выросли на 4%. В кризис 2014 года мы фиксировали стабильное число юридических лиц и рост индивидуальных предпринимателей. Однако 2020–2022 годы – ситуация другая. Мы только вышли из пандемии или начали выходить, а у нас растёт число индивидуальных предпринимателей, особенно резко – самозанятых (их уже 4 миллиона с лишним). Но это фактор стагнации малого бизнеса, потому что качество – уже другое. Самозанятый – это не предприниматель с его возможностями.

Что делать газовым и нефтяным компаниям? Помочь малому бизнесу встать на крыло сейчас. Дайте ресурсы предприятиям, которые могут выполнить заказ на импортозамещение и имеют желание создать производственные предприятия. Но знаете, чего не хватает? Где-нибудь в селе, в районе Московской области есть точка, где можно присоединить газ до объекта малого или среднего бизнеса. Но до неё 2 километра. Зато рядом деревня, в которой живут постоянно и прописаны 35 человек, а критерий завоза газа – на 80 человек. Неужели нельзя помочь? Мы можем

создать целую схему вовлечённых предпринимателей, которые дадут нам рабочие места и будут и производить сельские продукты. Этим бизнес-объединениям оказывается уже определенная поддержка. Поступивших запросов от них уже около 15 тыс. Мы выявили закономерность, что получают помощь больше там, где меньше предпринимателей. Как это можно объяснить? Надо сэкономить средства? Я считаю, что это дикость.

Нужно срочно менять парадигму малого бизнеса. Система не работала. Последние 10 лет – это отчасти потерянное время. История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, но если мы бы сделали, как призывал Президент (50% занятых – это 30-40% ВВП), то мы бы спокойнее и увереннее себя чувствовали. Мы бы себя прокормили. Теперь нам нужен принцип неухудшения положения малого бизнеса на ближайшую перспективу. Если с малого бизнеса будут шкуру сдирать, то он естественно будет погибать, а сейчас так и делается.

Знаете, что малый бизнес платит в 3-4 раза больше за электроэнергию, чем крупные предприятия и тем более население? По низкой вольтовой сети оно берет на себя те потери, которые население не способно платить. Неужели здесь нельзя дать преференции? Давайте будем строить гостиницы на 100 до 120 номеров, развивать внутренний туризм. Почему нельзя делать маленькие гостиницы в маленьких городах по Золотому кольцу?

Мотивация контролеров и таможенников, знаете какая для малого бизнеса? Склады временного хранения. Они мотивированы держать ваш груз, чтобы вы платили за то, что груз стоит на этом складе. Если будет такой подход, то мы ничего не сделаем вообще. Европейцы для регуляторных принципов приняли специальное законодательство. Может быть, оно кажется банальным и примитивным, но Швейцария и Австрия использовали принцип законности, по которому субъект общественных отношений строго соблюдает норму

закона. А у нас сохраняется превентивный контроль.

Шохин А.Н.: Сергей Ренатович, чего делать-то нам?

Борисов С.Р.: Искоренять!

Борисов С.Р.: Во-первых, должны уйти те, кто провалился в малом бизнесе, Александр Николаевич. Мы заметили мотивацию у институтов развития держать деньги, которые им дало государство, на депозите, потому что они платят премии и зарплаты с этого. Не нужны нам такие институты развития. Мы же без прессы, да?

Шохин А.Н.: Вы Корпорацию МСП имеете в виду?

Борисов С.Р.: В том числе.

Шохин А.Н.: Пока я слышу, что надо искоренить что-то. А что построить-то? Само пойдёт?

Борисов С.Р.: Александр Николаевич, в прошлом году пандемия – тяжелейший период. У индивидуальных предпринимателей, которые работают в электробытовой сфере, ремонте, автотранспортной сфере и т.д., ставка на патент по сравнению с 2020 годом выросла в 2 раза. О чём думают люди? Александр Николаевич, вот главный принцип – не трогайте малый бизнес. Надо помогать им, но не трогать их.

Шохин А.Н.: Крупный бизнес тоже хочет, чтобы его не трогали.

Борисов С.Р.: Александр Николаевич, Вам легче защищаться. Нужен полный «переформат» по управлению в малом бизнесе: взять в систему управления людей, которые прошли школу самого предпринимательства. Решения нужно принимать вместе с бизнесом! Сейчас всё принимается путем «высасывания из пальца» в коридорах Минэкономки, где нет людей, прошедших школу предпринимательства. КРІ не мы им назначаем, а они сами себе. Это же ненормально! Я не хочу сгущать краски, но это жизнь! И если мы...

Шохин А.Н.: Если бы только от достижения КРІ зависела, так сказать, эффективность работы по малым бизнесам, да и вообще в экономической

политике. Хорошо, не выполнил он КРІ, уволили, поставили другого.

Барцевский М.Ю.: А куда мы устроим столько безработных?

Борисов С.Р.: В малый бизнес.

Шохин А.Н.: Так они же не знают, что это такое.

Борисов С.Р.: Научим! Научатся!

Шохин А.Н.: Сергей Ренатович, я правильно понял, что не надо делать плохо малому бизнесу, и надо всем, кто занимается малым бизнесом, им поставить хороший КРІ, и всё будет нормально?

Борисов С.Р.: Да, но я бы их вообще бы на сегодняшний день расформировал. Вы знаете, сколько всего эти институты поддержки дают малому бизнесу? Какой процент получили помощь? 3% или чуть-чуть больше.

Шохин А.Н.: Сергей Ренатович, есть одна из проблем, которую Вы не назвали, и к которой я хотел привлечь внимание, - это доступность / недоступность финансовых ресурсов. После того, как в феврале Центральный банк повысил ключевую ставку до 20%, у нас вот все предложения бизнеса (и малого, и крупного) снизить ключевую ставку, или субсидировать льготными кредитами, или, наоборот, инвестиционными кредитами и т.д. Возникает ситуация: субсидировать бюджет должен. То есть Центральный банк борется с инфляцией, через высокую ставку удерживает сбережения населения в банковской системе. Но реально эффективная ставка за счёт субсидирования ниже. Я не знаю, кто-нибудь может мне ответить, какая сейчас с учётом всех вот этих изменений?

Борисов С.Р.: Я субсидирование поддерживаю. Если малый бизнес покупает оборудование, как это повлияет на инфляцию? Он стерилизует денежную массу и не раскручивает инфляцию.

Шохин А.Н.: Спасибо! Слово предоставляется Валентине Николаевне Кириллиной.

Кириллина Валентина Николаевна (д.философ.наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой теории и практики взаимодействия бизнеса и власти,

*директор
коммуникационного
заведующая секретариатом президента
НИУ ВШЭ) - Уважаемые коллеги,*

Готова присоединиться к выступлению С.Р. Борисова по работе и взаимодействию с представителями малого и среднего предпринимательства. Во-первых, изменение роли малого и среднего бизнеса в России в современных условиях связано, прежде всего, с сокращением внешних рынков в условиях санкций и с развитием внутреннего рынка. Во-вторых, устойчивость экономики и социальной системы нашего общества во многом зависит от возможностей малого и среднего предпринимательства. Сохранение рабочих мест и быстрое замещение ушедшего иностранного бизнеса, — всё это требует реформирования подходов поддержки малого и среднего бизнеса, расширения его возможностей и свободы.

Мы видим, что органы государственной власти не только на федеральном, но и на региональном уровне расширяют взаимодействие. Консолидация власти и предпринимателей расширяет возможности и формирует более эффективные подходы к развитию предпринимательства. При этом нельзя абсолютизировать эту тенденцию, так как почти половина опрошенных предпринимателей отметили в качестве препятствия своего развития непредсказуемость действия властей. Много для развития этого взаимодействия делают ассоциации бизнеса, в частности, «ОПОРА РОССИИ» и Российский союз промышленников и предпринимателей. Наш круглый стол, который во многом освещает эту тему, — это тоже свидетельство поиска новых возможностей.

Но возникает вопрос: а сам бизнес, сами предприниматели знают, как не просто выживать, а находить возможности развития? Исследование, подготовленное экспертами Института экономики роста им. П.А. Столыпина 6 апреля текущего года, свидетельствует о том, что действие санкций затронуло 84,1% опрошенных

предпринимателей, но только 1,6% - закрыли свой бизнес, а 13% — приостановили работу. В этой связи среди других проблем и вопросов, которые необходимо решать по итогам этого исследования, в частности, списание налоговой задолженности — 56,3% ответов, снижение страховых взносов до 15% со всей базы заработанных плат — 50,4%, более дешёвые и доступные в обороте кредиты и т.д.

Ещё одной возможностью быстрой адаптации МСП к постоянным изменяющимся условиям санкций, сокращению внешних рынков является повышение уровня компетенций сотрудников предприятий и организаций МСП. Уровень профессионализма человеческого капитала является одной из составляющих успешности любого бизнеса. В этой связи огромной возможностью представляется расширение взаимодействия бизнеса и университетов. НИУ ВШЭ проводит мониторинги основных проблем развития малого и среднего предпринимательства в регионах. В частности, мы проводим мониторинг этих проблем в Ростове-на-Дону, который позволит организовать различные треки сотрудничества с малым и средним предпринимательством, включая консультации и пилотные проекты, призванные значительно повысить уровень управления и квалификации сотрудников. Также можно выявлять основные проблемы МСП в регионах, обобщать лучшие практики и распространять их по регионам России. В частности, мы сейчас начинаем пилотный проект под руководством «ОПОРЫ РОССИИ» и регионального отделения ассоциации в Ростове-на-Дону. Надеемся, что эта работа позволит нам выявить отражающий региональную специфику тренд подготовки специалистов для малого и среднего предпринимательства, для более быстрой адаптации, возможных коммуникаций с органами власти как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Развитие отношений университетов и бизнес-сообщества предполагает разные формы подготовки предпринимателей, организации мониторингов, формирования различных инструментов, прежде всего, на основе онлайн-платформ, расширения представления о более конкурентных преимуществах того или иного бизнеса с помощью консультантов. По нашему мнению, для университетов подготовка специалистов для малого и среднего предпринимательства становится приоритетной задачей, потому что это обучение строится на основе не только образовательных программ, но и на внедрении различных бизнес-акселераторов и инкубаторов, на мониторингах конкретных проблем в конкретном регионе и конкретном бизнесе. Это, в свою очередь, даёт возможность более эффективно строить подготовку этих специалистов, обобщать лучшие практики, распространять их для бизнеса. Данное взаимодействие с университетами позволяет определить динамику развития компании, насколько она имеет больше или меньше оснований для адаптивности в современных условиях. Также в ходе исследований и организации образовательных процессов очень важно определять уровень компетенции представителей бизнеса. Надо понять, какие нужны системы и модели управления, которые определяют возможности более быстрой адаптации, как формировать новые компетенции, которые дадут заметные преимущества в развитии малого и среднего предпринимательства. Как было отмечено ранее, от уровня подготовки специалистов, их квалификации зависит уровень и быстрота адаптации к современным реалиям.

Как мне кажется, сегодня мы в меньшей степени можем говорить о модернизации, — это возможно параллельный процесс, а в большей степени — о возможности быстрой адаптации с учетом возможной модернизации или исследования других источников, в частности повышения

уровня квалификации сотрудников. Очень много зависит от индивидуального опыта специалиста в бизнесе, от конкретной индивидуальной адаптации к развитию своих компетенций. Конечно, роль университетов важна ещё и потому, что особенно университеты, которые не работают в регионе или работают совместно с университетами других городов, в частности Москвы и Санкт-Петербурга, позволяют повышать качество подготовки этих специалистов и снижать риски ангажированности региональных университетов. Важно отметить, что деятельность региональных университетов имеет большое значение в осуществлении подготовки кадров для бизнеса, но также необходимо расширять сотрудничество и с федеральными университетами, опыт которых аккумулирует лучшие российские практики с учетом региональных особенностей, позволяющий сформировать адекватную и эффективную образовательную стратегию в современных условиях. По сути дела, более беспристрастно оценивается проблематика регионального бизнеса и, конечно, это сотрудничество позволяет создавать определенные предпосылки для более быстрой адаптации представителей малого и среднего предпринимательства к новым вызовам, санкциям, кризису, — ко всему тому, в чём мы сейчас находимся.

Шохин А.Н.: Спасибо. Владимир Борисович, Вы как депутат и один из руководителей комитета по финансовым рынкам, проясните нам общую картину.

Сенин Владимир Борисович (к.ю.н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель подкомитета и экспертного совета по устойчивому развитию, первый заместитель председателя Совета Ассоциации Банков России, член Совета по развитию финансового рынка Совета Федерации Федерального Собрания РФ, член комиссии РСПП по банкам и банковской деятельности, действительный государственный

советник Российской Федерации III класса): Я несколько слов скажу о ситуации в финансовом секторе, особенно с учётом санкционного давления. Надо сказать, что финансовый сектор, в первую очередь, это давление ощущает. На самом деле банковские и кредитные организации, и финансовые рынки в широком смысле слова с этой историей сталкиваются уже не в первый раз. Начиная уже с 2014 года, с момента возвращения Крыма, санкционная проблематика присутствует в отношении российского рынка. Есть санкционный список США «SDN» (Specially Designated Nationals List) физических и юридических лиц. Кроме того, есть санкции в отношении отдельных отраслей экономики, прежде всего, энергетического сектора РФ. Так называемые «крымские» санкции запрещают совершение любых сделок между США и лицами, которые работают в Крыму. В связи с этим с 2014 года крупнейшие банки не заходили на территорию Крыма. Сегодня принято решение о том, что там будет работать с корпоративными клиентами «Промсвязьбанк» ВТБ также предполагает развивать свою структуру на территории Крыма. Есть еще санкции, предусмотренные законом США о противодействии противникам в Америке 2017 г. Ну и наконец, «украинские» санкции, вводимые США и Европейским Союзом. Надо сказать, что всё-таки финансовый сектор и монетарная власть выработали определённые эффективные меры противодействия этому санкционному давлению.

Я посмотрел список мер, которые предусмотрел Банк России. Это 54 страницы плотного текста различных указаний и нормативных актов, которые сегодня весь финансовый сектор исполняет. Я не буду останавливаться на всех мерах, которые принимаются, просто очень коротко выскажусь по основным направлениям. Первое направление связано с экстренным восстановлением инструментов валютного регулирования и контроля. История с отключением от

SWIFT'a, отключением Visa и Master Card, заморозкой золотовалютных резервов, – это серьёзный вызов. Банк России экстренно поднимает ключевую ставку до 20% процентов, что позволяет через депозиты компенсировать девальвацию, погасить инфляционные риски. Еще одна мера связана с продажей 80% валютной выручки. Второе направление – это инструменты поддержки в области платежей и расчётов. Третья проблема касается естественно не только малого и среднего предпринимательства, – это поддержка банковского кредитования. Возможно, это самое ключевое направление, по поводу которого идут дискуссии: насколько правильна кредитная политика, насколько она эффективна с точки зрения роста ВВП. На этот вопрос ещё предстоит ответить. А в текущем моменте речь идёт о сохранении неизменными условий уже заключённых кредитных договоров, уточнении порядка реализации института кредитных каникул. Законом о банкротстве остановлена процедура банкротства, есть послабления в области надзора в банковском секторе и по формированию резервов. Есть программы по инвестиционным оборотам для МСП под ставку 13,5–15%. Но здесь расслабляться сильно не надо. Не всегда удаётся найти баланс, иногда принимаются решения, которые стоит потом корректировать. Четвёртое направление – это меры поддержки рынка ценных бумаг.

Представляется, и Банк России, и в Правительство справляется со стабилизацией ситуации на финансовом рынке, с работоспособностью банковской системы. 21 апреля Председатель Банка России, будет на пленарном заседании Государственной Думы, где будет рассматриваться отчет Банка России, и кандидатуры на утверждение. Самый главный вопрос заключается в том, как развиваться дальше: продолжать ту политику, которую проводили монетарные власти и в широком смысле экономический блок, или следует вносить какие-то коррективы. Если мы посмотрим,

например, на параметры денежно-кредитной политики с 2022 по 2024 год, мы увидим, что заложенный рост ВВП был там от 1 до 3%. Но строго говоря, это, конечно, не выдающийся результат. Значит, стоит ли эту политику в таком формате продолжать, или нужны какие-то другие инструменты? Поэтому есть желание получить ответ от Правительства и Банка России: «Каким образом мы планируем дальше развивать свою экономику с учётом тех обстоятельств, в которых мы находимся?». Государственная Дума будет рассматривать это в ближайшие дни. Я думаю, что по этому поводу предстоит большая дискуссия.

Шохин А.Н.: Вы ждёте с нетерпением, что пообещают Премьер и кандидат на должность Председателя Центрального банка?

Сенин В.Б.: Главное – что делать дальше? Нам нужен ответ. Если мы продолжаем делать то же самое, то есть реагировать на текущую ситуацию, в перспективе нужен вектор развития, нужно понимать, что делать дальше.

Шохин А.Н.: Если бы Правительство и Центральный банк оперативно реагировали на текущую ситуацию, то и площадка для развития появлялась бы. Главное, ведь, - адекватные меры. Много разных идей: государственное регулирование цен, что-нибудь запретить ещё, не экспортировать ничего в недружественные страны и т.д. Если реагирование на ситуацию неадекватное, тогда развитие может со знаком минус пойти: и темпы упадут сильнее, и возвращаться к каким-то рыночным механизмам будет сложнее. Я хотел бы тему, связанную с финансами и инвестициями продолжить. Николай Викторович, вот ВЭБ становится у нас материнским институтом развития для многих других институтов развития. Сейчас на него дополнительные функции возлагаются, например, внешнее управление организаций, из которых уходят иностранные собственники. Роль этих институтов развития будет больше связана с функциями типа внешнего

управления, или всё-таки что-то останется из тех инструментов, на которые ориентирован был ВЭБ.РФ в предшествующий период?

Цехомский Николай Викторович (к.э.н., доцент кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ, первый заместитель председателя ВЭБ.РФ - член правления ВЭБ.РФ): Спасибо, Александр

Николаевич. Сергей Ренатович предложил нас разогнать для начала, а потом уже собирать заново. Но я думаю, что всё-таки найдётся какая-то польза от институтов развития. ВЭБ всегда нужен для антикризисных решений, и действительно, впервые он столкнулся с ситуацией, когда он сам находится под санкциями и ограничен в возможности осуществлять внешнеэкономическую деятельность, которой он достаточно хорошо и активно занимался. Если посмотреть на историю, базовая модель ВЭБа, которая потом показала, что она не работает, была в том, чтобы привлекать на Западе длинные деньги в валюте и финансировать локальные проекты в рублях. В результате сработали валютные риски. Очевидно, что сейчас стоит задача возвращения к инвестиционному циклу. Например, нам нужны проекты с высокими переделами, но, безусловно, эти мощности, эти производства требуют колоссальных инвестиций. И мы их видим сейчас и в газохимии, и в металлургии. Без этих инвестиций никакого высокого передела и никакой возможности заменить углеводороды в экспорте нет. Сегодня появляются новые, совершенно непонятные ранее риски: обеспечит ли закупку оборудования ЕРС (Engineering, procurement and construction) – подрядчик; сможет ли страховая компания застраховать; привезёт ли логист, не откажется ли он перевозить оборудование через границу; появится ли рынок сбыта у этого предприятия в будущем и т.д. Даже не говоря уже о том, будет ли вообще возможность осуществлять транзакции с этим лицом. Сегодня мы видим ситуации, когда, видя ВЭБ в реквизитах наших

клиентов, логист разворачивает корабль и везёт обратно груз.

Безусловно, ВЭБ участвовал в период кризиса, связанного с пандемией, в реализации правительственных мер, которые были приняты по поддержке бизнеса, в том числе МСП. Мы предоставили более 600 млрд. руб. гарантий коммерческим банкам, которые выдавали финансирование по льготным ставкам. Сейчас Правительство рассматривает такой же продукт для системообразующих организаций. Это более 1300 предприятий, которые получают, с одной стороны, льготное финансирование, с другой стороны, ВЭБ должен предоставить гарантии коммерческим банкам, потому что без этих гарантий коммерческие банки опасаются предоставлять финансирование. То есть ВЭБ нужен как катализатор, который помогает расшить отсутствие кредитов. Но основная деятельность, Александр Николаевич, как Вы и сказали, это основная, традиционная деятельность ВЭБ, связанная с финансированием больших долгосрочных проектов, сохранится. В том числе для этой задачи используется механизм Фабрики проектного финансирования.

Большой вопрос к Правительству: будет ли субсидия для реализации проектов с использованием этого механизма в этом году или не будет? Хочется надеяться и верить, что это произойдет, потому что дискредитировать этот продукт было бы очень обидно. Это тот продукт, который позволяет уйти от модели старого ВЭБ, предполагавшей предоставление долгосрочных кредитов в иностранной валюте для предприятий с исключительно рублевой выручкой. Для некоторых предприятий в том числе это стало причиной банкротства в период кризиса. Длинные рубли, которые мы совместно с коммерческими банками выдали в проекты через механизм ФПФ могут исчезнуть, если Правительство не продолжит предоставление субсидии в этом году. Если ставка уйдет обратно вниз, естественно, потребность в субсидии будет

меньше. Если высокая ставка сохранится на более длительный период, мы можем сказать, что субсидия будет более существенной. Но она существенно меньше по сравнению с потерями, которые мы получим в результате дискредитации этого продукта.

Можно помогать малому и среднему бизнесу, а можно помогать покупателям продукции малого и среднего бизнеса. У нас есть успешная реализация в IT-отрасли. Мы финансируем компании, которые покупают локальные разработки в IT. То есть, условно говоря, предоставляется льготное кредитование крупным компаниям, а они в свою очередь закупают у локальных, в том числе, малых и средних IT компаний продукцию. Так мы создаем спрос. То же самое касается малых и средних предприятий. Сегодня очень важно для МСП создать этот самый спрос. Логичнее даже профильтровать каких-то крупных игроков, которые смогут или обязаны будут по этим программам профинансировать или авансировать малые и средние компании, которые произведут для них продукцию и создадут гарантированный спрос. Поэтому задач очень много, мы видим очень много возможностей, так же, как и рисков. Конечно, все меняется как в кино, усложнения происходят каждый день. Мы пытаемся на это гибко реагировать. Раньше у нас был KPI по экспорту. Сегодня мы понимаем, что его нужно переименовать в KPI по импорту, потому что это станет более важной задачей - привезти, чем вывезти.

Шохин А.Н.: Коллеги, я хотел попросить Валерия Валерьевича Федорова представить результаты обследований, но он технически не смог подключиться к нам и попросил представить презентацию Степана Васильевича Львова.

Львов Степан Васильевич (директор по стратегическому развитию Всероссийского центра изучения общественного мнения, к.соц.н): Александр Николаевич, спасибо большое. Большой привет из Заполярья. У Валерия Федорова связь очень плохая, поэтому он

просил меня выступить. Я пройду только по основным слайдам. Хотел бы рассказать о том, как воспринимаются сегодня санкции. Прежде я хотел обратить внимание на то, с какими настроениями мы пришли к сегодняшним событиям. Индекс удовлетворенностью жизнью в феврале очень сильно вырос - больше чем на 10 пунктов. Мы подошли к посткрымским показателям - 61 пункт, чего не было с 2018 г. Как рухнул этот показатель в мае 2018 года, так он и не поднимался выше 55 пунктов. Теперь же мы видим 61. Но в то же время у нас резко (на 10 пунктов) в конце февраля снизился индекс социального оптимизма. То есть противоречивость практически по всем показателям. Экономическое положение России сегодня оценивается на среднем уровне. Мы вышли из кризисной ямы, в которую попали в середине 2021 г. Стабилизировалась эта оценка на уровне 26 пунктов. В то же время в конце февраля у нас резко возрастает оценка политической обстановки. Мы видим ситуацию в 54 пункта, чего не было с 2018 г. Мы возвращаемся к посткрымским показателям.

Насколько сегодня российское общество погружено в повестку? 88% - абсолютное большинство - следят за введением санкций. Старшее поколение в курсе всего, хорошо информировано. 62% тех, кому более 60 лет, буквально регулярно следят за каждым сообщением о том, какие санкции вводятся, и о том, какие контрсанкции вводятся. Мы видим важный слайд - как на сегодняшний день воспринимаются санкции? Опять вилка. Она состоит в том, что сегодня 83% считают, что санкции повлияли на экономическую ситуацию в стране. 34% считают, что влияние сильное, 35% считают, что оно умеренное, а 14% считают его слабым. В чем же состоит эта вилка? Как отразились санкции на жизни обычных граждан? Пока эти показатели не сравнялись. Мы видим, что экономика страдает от санкций, но при этом на жизни рядовых граждан это особо не сказалось. 15% всего считают, что санкции оказали

сильное влияние, 28% - умеренное. На личном уровне те, кто заявляет о сильном влиянии санкций, указывают на рост цен и высокую инфляцию - 37% из этой группы. Теперь в чем конкретно увидели проявление санкций. Прежде всего, с невозможностью оплатить товары и услуги бесконтактной оплатой Apple Pay и Google Pay сталкивались 25%. С невозможностью оплатить товары и услуги онлайн - 15%, а банковскими картами - 12%. С повышением ставки по кредитам и ипотеке - 10%. Конкретных фактов и примеров пока не очень много. Скорее всего, мы с этим столкнемся в ближайшем будущем. Но как изменится поведение? Мы - граждане России, откажемся от приобретения дорогих товаров в пользу более дешевых. Планируем или уже это делаем. Покупают впрок товары повседневного пользования уже 33%. Снимают наличные деньги - 22%, отказываются от отпускных планов и планов по ремонту - 22%. Такие вот адаптационные механизмы уже выработаны. Есть понимание, что делать в той или иной ситуации. Есть поводы для оптимизма. Они связаны с тем, что у нас есть определенная прививка, прежде всего, у старшего поколения. Молодежь чувствует себя значительно тревожнее. Они менее уверены в ситуации. А старшее поколение, которое пережило 1990-е годы и многочисленные кризисы, готово к последствиям санкций.

Шохин А.Н.: Спасибо большое. Большинство из нас прошли через многие кризисы, поэтому, казалось бы, должны быть готовы, но что-то в выступлениях оптимизма маловато. Казалось бы, все преодолели. Преодолели кризисы начала 1990-х, 1998, 2008-2009, 2014 гг., а тут очередной кризис. Я хотел бы попросить Марию Николаевну Глухову рассказать о том, как компании-члены РСПП реагируют на кризисные явления.

Глухова Мария Николаевна (к.э.н., вице-президент – Управляющий директор Управления экономической политики и конкурентоспособности РСПП): Наверно, у меня будут не настолько оптимистичные оценки. За февраль у нас были отчасти

похожие оценки, потому что компании только начали чувствовать первые результаты кризиса. А вот что касается марта, то мы получили самые депрессивные показатели за 10 лет подсчетов индекса деловой среды РСПП. Он в первый раз провалился до отметки в 32 пункта, при том, что даже в 2014 г. оценки были у нас выше. Этот кризис повлиял на бизнес намного сильнее. При этом у нас есть разные оценки по разным показателям. Если взять спросовые показатели, они провалились не настолько сильно. Спрос в отрасли, по мнению компаний, упал всего на 2,9 пункта. Он на самом деле близок к нейтральному значению. Нельзя сказать, что здесь наблюдается радикальное падение. Новых заказов стало меньше примерно у 1/5 компаний, которых мы опросили. Но это тоже неплохой показатель. Это означает, что с точки зрения спроса бизнес настроен если не оптимистично, то, по крайней мере, достаточно нейтрально. При этом компании говорят, что им стало сложнее выдерживать сроки выполнения заказов. Серьезно ухудшилась ситуация с контрактными обязательствами. Треть участников опроса говорит о том, что они сталкиваются с нарушением контрактных обязательств со стороны их контрагентов. Понятно, что ухудшились отношения с иностранными партнерами. Резко увеличились негативные оценки ситуации на валютном рынке и доступности финансовых ресурсов. Это была достаточно ожидаемая история. При этом с одной стороны, нас несколько удивило, с другой порадовало, однозначно зафиксированное смещение оценки отношения бизнеса с органами власти в сторону позитива. В первый раз за последние несколько месяцев эта оценка ушла в зону положительных значений. Бизнес оценил меры поддержки, которые сейчас предлагаются в рамках антикризисной программы, как эффективные, хотя понятно, что недостаточные. У нас был еще один антирекорд – индекс личных оценок делового климата, который, как правило,

наиболее чутко реагирует на позитивные и негативные изменения в экономике. При том, что норма для оценки 50 пунктов, в марте он снизился до 10,4 пунктов. Чуть-чуть позитива у нас в блоке, связанном с инвестиционной активностью и социальной политикой компаний. Доля компаний, которые говорили о том, что они продолжают реализовывать инвестиционные проекты, у нас практически не изменилась по сравнению с февралем. Об этом сказали 64% опрошенных компаний. Это очень хороший показатель. Мы понимаем, что, скорее всего, в апреле - мае цифры будут хуже. Пока инвестиционная активность притормаживается, а сроки реализации инвестиционных проектов сдвигаются. Но о прекращении инвестиционной активности бизнеса речи не идет. Примерно такая же ситуация у нас в кадровой сфере. Компании стали несколько реже нанимать сотрудников, но при этом бизнес не говорит о том, что резко увеличилось количество увольнений, или как-то сильно изменилась, за исключением отдельных секторов, ситуация с направлением сотрудников в отпуска. Эти показатели пока носят точечный характер. Картина, которая касается социальной ответственности бизнеса и кадровой политики, достаточно благоприятная и скорее нейтральная. Мало того, несмотря на то, что количество компаний, которые реализуют социальные программы и для работников, и для иных контрагентов, несколько сократилось, но остается на достаточно приличном уровне. В конце я хотела бы сделать некую оговорку, что все-таки мы опрашиваем компании, которые входят в РСПП. Это несколько смещенная выборка. У нас намного больше крупных компаний, чем в любом другом опросе. На них приходится примерно половина нашей выборки. Это крупный и средний бизнес. Соответственно, их оценки несколько позитивней, чем оценки других среднестатистических компаний. Но тем не менее, наверно, главный наш вывод по итогам марта, что ситуация оценивается бизнесом как тяжелая, компании

столкнулись с новыми вызовами. Но при этом есть определенные основания для того, чтобы проявлять оптимизм с точки зрения не просто сохранения текущей деятельности компании, но и инвестиционных планов и планов на дальнейшее развитие. Спасибо.

Поляков Л.В.: Мария Николаевна, Вы назвали 10,4 пункта – личная оценка делового климата. А предыдущая оценка какая была?

Глухова М.Н.: Предыдущая была на самом деле тоже не совсем позитивная, но все-таки приличнее - 31,4 пункта. Бизнес был настроен негативно на протяжении последних месяцев, но при этом падение по этому показателю было радикальным. До 10 пунктов мы не опускались никогда.

Шохин А.Н.: Коллеги, я хотел бы развить тезис о возможностях. В частности, о возможностях высокотехнологичного рывка. У нас есть коллеги, которые специально этим занимаются. Игорь Александрович, прошу.

Вдовин Игорь Александрович (председатель совета Национальной ассоциации инфраструктурных компаний, д.ю.н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ): Есть некоторые причины для радости, хотя и не так много. Я успел провести мастер-класс до всех событий. Я думаю, а как бы сейчас был построен диалог и дискуссия на тему прорывных технологий? Понятно, что основные источники валютной выручки, такие как нефть и газ, являются предметами наибольшего внимания. На мой взгляд, будущее все-таки в тех технологиях, которые нельзя не развивать, потому что это отбросит любую страну на десятилетия назад. Мы не являемся исключением. Сейчас, когда идет соревнование олимпийского уровня по формированию страны и нации-изгоя, российские деньги не просто токсичные, они фактически неприемлемы для инвестиций в те или иные высокотехнологичные компании, которые в основном находятся не в России. Эта проблема, которую, мне кажется, нужно

решать. Раньше больших успехов по трансферу технологий у нас не было. Сейчас это будет критичная ситуация. Биотехнологии, сетевые технологии, технологии в искусственном интеллекте, технологии программирования и автоматизации, кибербезопасности, - это все составляет запас по развитию страны. Но этот запас находится в критическом состоянии. Какие есть выходы? Первое, что мы предлагали - государственно-частное партнерство, в том числе, в венчурном управлении активами. Сначала с нами согласились, потом Правительство пошло по традиционному для себя пути. Сейчас этот путь в принципе невозможен, потому что все институты развития у нас находятся под санкциями. Поэтому будущее венчурной индустрии новых технологий как никогда находится под риском. Второе - опыт Китая, своеобразный и толерантный в отношении к соблюдению в области IP. Наверно, это уже реальность, которую не избежать. Что касается развития прорывных технологий, честно говоря, никакого рецепта на эту тему нет. Много пытался думать, но пока ни к какому выводу не пришел. Что касается инфраструктурного развития, на мой взгляд, здесь ситуация лучше, потому что тот партнер, с которым мы связываем надежды, я имею в виду Китай, рассматривает возможности принятия гарантий, в том числе, подсанкционного ВЭБ, но в рамках межправительственных соглашений. Очень много крупных проектов, где участие китайского РС подрядчика вполне себе имеет право на жизнь. На мой взгляд, список новых инвестиционных проектов требуют большого и серьезного обновления. Здесь, наверно, то партнерство, о котором мы говорили, имеет право на жизнь. В этом направлении можно активно двигаться. Еще есть такая тема – обеление бизнеса. Сейчас, наверно, бизнесу нужно гораздо больше «плюшек» предлагать, чтобы он не уходил в серую зону, что является нормальной реакцией на происходящие события, перестал думать про налоги и планировал какое-то дальнейшее

развитие. Несколько тысяч людей, которые сидят за экономические преступления, были бы неплохим ресурсом для дальнейшего развития страны. По разным оценкам 200 тысяч человек с высшим образованием в области IT покинули страну. Дефицит на «мозги» сумасшедший, и он будет увеличиваться.

Шохин А.Н.: Сейчас нужны люди, которые умеют обходить какие-то правила.

Вдовин И.А.: Либерализация бизнеса и бережное к нему отношение со стороны государства - это необходимость. Отношение настолько бережное, чтобы люди не прекращали думать о том, что новый бизнес можно и нужно делать именно в России.

Цехомский Н.В.: Первое, что явно звучит - тема, связанная с кибербезопасностью. Тема требует инвестиций и имеет потенциал развиваться и, возможно, даже стать направлением экспорта. В России есть и мозги, и потенциал, и компании, которые умеют это делать. Многие из них тоже в санкциях. Вторая тема - это образовательное направление. Возможное освобождение рабочей силы, в том числе, из иностранных компаний, требует быстрого ее переобучения.

Шохин А.Н.: Кирилл Геннадьевич, как Вы видите процесс в эпоху глобальной неопределенности?

Андросов Кирилл Геннадьевич (к.э.н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ, член Общественных советов при Федеральной налоговой службе России и при Федеральной службе государственной статистики): Спасибо, Александр Николаевич. Уважаемые коллеги, могу сказать, что за свою бизнес-карьеру и государственную службу пережил всего 5 кризисов. Этот пятый, на мой взгляд, самый тяжелый и глубокий, исходя из ряда очень серьезных вызовов, перед которыми мы сейчас встали. Вы изначально задали тему «риски и возможности». Я спросил самого себя, что я вижу тремя главными рисками и тремя главными возможностями. Об этом я сейчас хотел бы

рассказать как человек, который многие годы занимается инвестициями. Риск № 1 - это, конечно, снижение экспорта наших сырьевых ресурсов, потому что это потянет за собой и снижение торгового баланса, и ослабление рубля, и в конечном итоге снижение поступлений в бюджеты всех уровней. А при социальной ориентированности нашего бюджета и ориентации на топливно-энергетический комплекс, это будет очень большим вызовом, который коснется всех, включая систему государственного управления. Поэтому данный риск я ставлю на первое место. Риск № 2 - это риск утечки «мозгов», в первую очередь, в IT сфере. Этот риск был всегда: у нас ежегодно уезжало порядка 200 тыс. молодых людей с высшим образованием, специалистов. Но это был процесс не столь критичный, так как наша система образования хорошо восполняла это. Но сейчас происходит другое. Почему IT-специалисты сейчас массово, тысячами, покидают страну? Не потому, что они не патриоты или потому что они не верят в страну, а потому что их продукт, который хоть как-то ориентирован на международный рынок, не может иметь происхождение в России. Ни одна страна в мире больше такой продукт не приобретет. Они делают это вынужденно, но по тем оценкам, которые я слышал, сегодня мы говорим о цифре уже больше 100 000 IT специалистов, которые покинут нашу страну в ближайшие годы. Я боюсь, что дальше это будет распространяться не только на происхождение программного продукта, но и на большинство научно-технических разработок. А если продукт не будет таргетирован на международный рынок, то вряд ли он когда-нибудь будет нужен. Риск № 3 - это интеллектуальная, или научно-технологическая изоляция России по всем направлениям, которые немисливо было себе ранее представить. Например, запрет на научный контент, доступ к научным конференциям и т.п. Несмотря на то, что я поставил этот риск на третье место, он по праву достоин первого. Интеллектуальная изоляция и исключение из мировой базы знаний во всех сферах, - в

конечном счете, это касается и инженерии, и медицины. Это те три риска, которые перед нами стоят. Конечно, их больше – это три в порядке приоритетности.

С другой стороны, есть и возможности для нашей страны. Первая возможность – это укрепление валюты. То, что сегодня происходит (перевод оплаты наших экспортных товаров на рубли как первый шаг), дает нам уникальную возможность. Но, на мой взгляд, малозамеченным осталось второе действие Центробанка – грамм золота был установлен на уровне 5 тыс. руб., что задало нижнюю оценку для курса доллара. На сегодняшний день грамм стоит 62 доллара. Но уникальным может быть следующий шаг, когда через привязку цены нефти к рублю и золота к рублю возможна привязка цены нефти к золоту, что радикально меняет все. Сможем ли мы этим воспользоваться или нет, не знаю. Но если это был продуманный макроэкономический ход, то я считаю, что эта мера будет иметь далеко идущие последствия для преобразования рубля в резервную валюту. Вторая возможность – это импортозамещение, о которой мы много сегодня говорили. Но я бы хотел сделать акцент на другом. Мы действительно импортозамещением занимаемся с 2000 г., но не далеко продвинулись, что сегодня стало очевидно. Одно дело – заниматься импортозамещением, когда импорт есть, а другое дело – когда импорта нет, когда он ограничен и у тебя нет выбора, заниматься или не заниматься. Я вижу три отрасли, для которых импортозамещение критично, и счет идет не на годы, а на месяцы, когда мы столкнемся с потерей этой отрасли промышленности – это микроэлектроника, авиастроение и автомобилестроение. Это те три сферы, где мы решения должны найти в течении ближайших месяцев. Если раньше у нас была возможность покупать Боинги, аэробусы и автомобили у дилеров, то сегодня даже Китай всерьез тормозит поставки микроэлектроники, что оказывает влияние на все сферы и, в первую очередь, на нашу оборонную

промышленность. Соответственно, я называю это не столько риском, сколько возможностью. При ограничении импорта, это та сфера, где мы, скорее всего, должны сделать прорывы. И третья возможность – новые вызовы создают потребность в новых квалификациях и новых людях. Я считаю, что этот вызов обязательно приведет нас к существенному кадровому обновлению во многих отраслях экономики, государственного управления и, в конечном счете, это возможность для существенного изменения веса человеческого капитала.

Борисов С.Р.: Кирилл Геннадьевич, а Вы могли бы прокомментировать, что за странное решение подстегнуло к отъезду такое большое количество, особенно региональных, IT-шников? Это льготная ипотека, которая была обещана? Или от 200 000 рублей зарплата? В регионах она от 50 000 до 80 000 руб.

Андросов К.Г.: Я, к сожалению, не могу прокомментировать. Страна происхождения продукта имеет большее значение, так как для них важно иметь возможность творить и конкурировать на глобальном уровне, а пакет санкций лишил их этой возможности.

Шохин А.Н.: Есть еще один сюжет, скажем, освобождение от армии выпускников высших учебных заведений. А у нас есть IT-шники, которые и без высшего образования творят чудеса. Кстати, может, мы бы продолжили данную линию на тему IT? Мария Владимировна, как Вы думаете? Сегодня в третьем чтении Дума приняла закон о закрытии депозитарных программ, а ведь токен – своего рода расписка на депозит.

Сенин В.Б.: Александр Николаевич, есть небольшое дополнение – решение пока еще никакое не принято. Правительство в лице министерства финансов говорит о необходимости такого решения, а Центробанк решительно и категорически против этого.

Шохин А. Н.: Но министерство продолжает развивать свои аргументы – могут быть финансовые пирамиды, и начаться отток капитала. Был принят закон

о ЦФА, но не можем договориться о том, двигаться нам дальше или нет.

Юргелас Мария Владимировна (управляющий директор Управления информационных технологий и цифрового развития РСПП, к.э.н., доцент кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ): Как раз к дискуссии – с одной стороны, мы боимся, что могут быть ужесточения и изменения в законе о ЦФА (цифровых финансовых активах). С другой стороны, совершенно поменялось отношение к вопросам, которые раньше игнорировались. Те же вопросы ЦФА раньше не двигались в правительстве, сейчас им уделяется большое внимание. Надеемся, что в ближайшее время будет решен вопрос о налогообложении. Соответственно, вся инфраструктура уже создана. Большие компании уже имеют лицензию ЭЦП (электронная цифровая подпись). Это Норникель, СБЕРБАНК и Транссельмаш. Еще ряд крупных игроков выйдут на рынок в процессе получения лицензии. Система не может работать без цифрового рубля, поэтому надеемся, что в ближайшее время проект будет запущен. Наши крупнейшие компании уже очень активизировались, и одно из возможных последствий – обход введенных санкций.

Также очень важный вопрос – это недостаток оборотных средств. У крупных предприятий есть избыток ликвидности, который при упаковке в ЦФА может помочь ликвидировать разрыв с оплатой. Поэтому сейчас запуск системы ЦФА – одна из мер, которая поможет в дальнейшем бизнесу развиваться. Вторая тема, которая еще совсем недавно, буквально месяц назад, была под запретом – это майнинг. У России есть огромное преимущество по сравнению с США, Казахстаном и другими странами, так как у России есть избыточные мощности и, соответственно, есть все условия и энергетические преимущества, один из тех источников доходов, новая сфера и возможность в текущей ситуации.

Шохин А.Н.: Сергей Сергеевич, так что там с IT-шниками?

Мытенок Сергей Сергеевич (вице-президент РСПП, старший преподаватель кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ): Конечно, с одной стороны, мы все с вами знаем, что беспрецедентно IT-шники одними из первых получили преимущества. С другой стороны, на протяжении ряда лет мы приземляли наши компании, чтобы они размещали свои базы данных у нас. Был введен закон о персональных данных. Много было сделано для того, чтобы локализовать компании, давались преференции многим крупнейшим компаниям, которые сейчас объявили о своем уходе из России и в которых тысячи сотрудников – программисты из России. Я с сожалением узнал, что первые, кого уводили, – это наши программисты, которые считались одними из лучших. Это было сделано для того, чтобы вывести из-под санкционного давления их и тот продукт, который они производят. Буквально на днях обновился сайт «Госуслуг» – государство делает огромные шаги для сближения бизнеса и правовой платформы. Я считаю, это очень важно. Пока это направление идет больше для обычных граждан, но, тем не менее, тенденция абсолютно понятна. Россия – одна из наиболее развитых цифровых стран мира. Александр Николаевич, на прошлой неделе Вы подписали два письма руководству нашей страны, которые касаются поддержки, потому что есть пробелы катастрофические. У нас нет собственного сетевого оборудования, тяжело идут процессы импортозамещения в IT. Я знаю, что буквально сегодня Вам пришло приглашение от компании «Ростелеком» посетить современный офис кибербезопасности. Мне кажется, в этом есть огромный потенциал и огромные возможности. Если Вы примите приглашение и будете на заседании комитета цифровой экономики, мы много интересного с Вами увидим.

Шохин А.Н.: Очень неплохо, будет интересно посмотреть. Я хотел задать вопрос Александру Васильевичу Мурычеву. Как Вы считаете, можно

выстроить альтернативную систему, специальное заимствование на основе комбинации иных, в том числе резервных валют и биржевых товаров – редкоземельных металлов, которая могла бы стать устойчивой базой для расчетных отношений?

Мурычев Александр Васильевич (д.э.н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ, вице-президент РСПП, Председатель Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка, заместитель Председателя Совета Ассоциации банков России): Спасибо, Александр Николаевич, за вопрос. Собственно, как и предполагает ЦБ, мы оцениваем позитивно введение цифрового рубля. Кроме того, мы предлагаем нашим партнерам по странам ЕС идти на введение общего пространства по обороту цифровых активов. И это, конечно, путь завтрашнего дня. Сегодня у нас была встреча с французами: коллеги тоже думают, что помимо расчета в национальных валютах более перспективно, уходя от доллара, идти в цифровое пространство. Я хотел поддержать Владимира Борисовича, что мы должны строить в этих условиях суверенную финансовую систему. Когда мы строим суверенную финансовую систему, очевидно, что ключевым показателем эффективности нашей финансовой политики является независимый рублёвый оборот независимый и риски снижения стоимости финансовых ресурсов по всем координатам. Но при всём при этом мы должны оценить роль и место в будущем Центрального Банка. По сути, он никак не использует свой инструмент, связанный с долгосрочным ресурсом в экономики. Одно из наших предложений, направленных в Правительство, связано с тем, что Центральный Банк должен покупать бумаги у Правительства, тем самым создавая дешёвую и долгосрочную ликвидность на рынке. Правительство должно использовать для целей, прежде всего, инвестиционного развития (через

ВЭБ и другие институты) целевое финансирование, до 30 лет и больше лет, на развитие структуры рынка и, в том числе, ипотечного кредитования. Это, кстати, многие развитые страны давно используют, а мы не используем это в своей денежной политике. Стране нужны длинные, дешёвые и доступные ресурсы. Со своими задачами Банк России справляется на этот момент, это очевидно. Но они более широкая, так как речь идёт не только об устойчивости национальной валюты, но и росте ВВП.

Шохин А.Н.: Яков Моисеевич, Вы самый системный среди нас человек. Какой образ будущего Вы нам нарисуете?

Уринсон Яков Моисеевич (д.э.н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ, советник председателя правления АО «Роснано», член Правления фонда инфраструктуры и образовательных программ, руководитель ревизионной комиссии Российского еврейского конгресса): Спасибо за добрые слова. Действительно и Леонид Владимирович и Михаил Юрьевич говорили, о том, что мы сейчас, так или иначе, начинаем жить в новой реальности. Но как мне кажется, в этой новой реальности, прежде всего, должно решить те проблемы, которые стали чрезвычайно острыми за последние 10-15 лет. Я имею в виду, что в этой новой реальности нам придётся, так или иначе, решать те проблемы, которые у нас накопились. Прежде всего, это проблема структурных диспропорций: наличие собственных природных богатств уже давно превратилось из нашего конкурентного преимущества на внешнем рынке – в тормоз экономического прогресса. Во-первых, дальнейшее развитие невозможно при сохранении сырьевой ориентации отечественной экономики. Во-вторых, мы существенно отстали в технологическом развитии не только от США, Западной Европы и Китая, но, как последние цифры показывают, и от Словакии и Литвы. Производительность труда у нас в 3-5 раз ниже, чем в этих и многих других странах.

Обострилась до крайности проблема бедности населения. По официальным данным, за последние 7 лет реальные доходы населения снизились на 10,6%. В 2021 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составила более 19 млн. чел. Если вдуматься, то лихие 90-е не покажутся такими уж лихими. Всё это означает, что действующая модель экономики, по своей сути, изживает себя. Прежде всего, необходима модернизация - от государственного патернализма - к социальному партнёрству. Возможность этого показывает опыт постфранкистской Испании. Также необходимо обеспечить реальное соблюдение прав собственности и справедливую конкуренцию. Модернизация институтов - не громкий лозунг, а жизненная необходимость. Наконец третье направление - это отечественная экономика. Здесь хотел бы обратить ваше внимание сейчас на опыт экономических реформ в СССР и в России. Если начать со знаменитых косыгинских реформ 1965 года, то их главным стержнем было расширение экономической самостоятельности предприятий и развитие материального стимулирования. Далее было Горбачёвская, но точнее яковлевская перестройка 1985 года. И там ключевая идея - переход от административных к экономическим методам управления. Медведевская модернизация начала 21-го века также предполагала ускорение развития высокотехнологичных отраслей. Прекрасные идеи, своевременные и целесообразные, однако они, как мы теперь знаем, не принесли желаемых результатов. Не принесли, на мой взгляд, потому что не были подкреплены адекватными политическими решениями.

Из мировой истории хорошо известно, что катализатором научно-технического прогресса служит экономическая конкуренция, а её не бывает без конкуренции политической. Поэтому сегодня насущная задача - обеспечить конкурентные выборы на всех уровнях. И последнее, что хочу особо подчеркнуть. В современных условиях

экономический рост базируется не на вовлечении в оборот дополнительных материальных, трудовых, финансовых ресурсов, а опирается на наиболее полное использование человеческого капитала. Раньше в течение многих веков экономический рост генерировался реальным сектором, технический прогресс материализовался в сельском хозяйстве, металлургии, потом в машиностроении и энергетике. Сегодня драйверами становятся образования, наука, здравоохранение, IT, био- и нанотехнологии. Причём инициатива нововведений всё больше переходит от гигантов оборонной промышленности к малым и средним предприятиям гражданского сектора. Скажу общий вывод: российскому обществу сегодня предстоит сделать решительный шаг для того, чтобы страна развивалась в новых условиях. Спасибо.

Шохин А.Н.: Спасибо. Сегодня обсуждается вопрос об отмене до 2024 года прямых выборов губернаторов. С одной стороны, это доверие к региональным законодательным собраниям. С другой стороны, мы сегодня оказываемся в условиях мобилизационной экономики, что вносит коррективы в политические процессы.

По ряду направлений у нас идёт подвижка в сторону ряда решений, которые должны были вступить в силу в этом году или в начале следующего. Одна из таких мер - перенос сроков маркировки. В этой связи я бы хотел спросить профессора Саламатова: перенос сроков как-то повлияет на качество потребительских товаров, на здоровье людей?

Саламатов Владимир Юрьевич (д.э.н., профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ, генеральный директор Исследовательского центра «Международная торговля и интеграция», председатель комитета Делового Совета ЕАЭС по торгово-экономическому сотрудничеству с Китаем и другими приоритетными направлениями):

Александр Николаевич, уважаемые коллеги, действительно были вложены весьма серьёзные интеллектуальные ресурсы для создания программного продукта и обеспечения работы достаточно сложной системы для того, чтобы маркировать продукцию. Был проведен целый ряд пилотных проектов, в частности по молочной продукции. Был заложен ещё целый ряд видов продукции, которая должна была маркироваться. Для чего? Для того чтобы прослеживать продукцию от её создания до утилизации в магазине.

С одной стороны, это не такое дорогое условие для потребителей – 50 коп. за одну марку. С другой стороны, для бизнеса это весьма серьёзно, и бизнес сопротивлялся этому. Сегодня, когда мы оказались в достаточно сложной ситуации, бизнес убедил правительство в том, что новые виды продукции маркироваться не будут. Мы откладываем этот процесс, по крайней мере, до 2023 года. При этом продолжается маркировка тех видов продукции, которые уже находятся в режиме сопровождения. Есть определённые проблемы с маркированием сегодня, потому что идёт переход на другие виды бумажной упаковки со снижением качества. Из-за этого расплываются штрих-коды, что может негативно повлиять на маркирование продукции, которая находится в реализации по проекту.

Но я, Александр Николаевич, с Вашего позволения скажу о другом вопросе, где государство и бизнес взаимодействуют для быстрого решения вопроса. Это ситуация, которая сложилась в самые первые дни марта этого года, когда стало очевидным, что цепочки поставок продукции для населения требуют существенного изменения, потому что перестали работать в связи с введением санкций. Здесь нужно было сделать достаточно быстрый выбор для того, чтобы не разрушить рынок. Буквально 2 марта была поставлена задача перед Минэкономразвития, Минпромом и Росаккредитацией, которые включились в

работу для того, чтобы найти схему, которая позволит, сохраняя гарантии безопасности продукции, выстроить новые цепочки. Запасы, которые находятся в городах, составляют 2-3 месяца. Для выстраивания новых цепочек примерно такой же срок и нужен. В первые числа марта были проведены многочисленные консультации с бизнесом, по итогам которых было принято решение, что если продукция безопасна в Китае или в другой стране-поставщике, то мы можем принять, что эта продукция равно безопасна для Российской Федерации. 14 марта в кабинете у министра экономического развития состоялось совещание, где были, в том числе, представители основных бизнес-объединений. Шёл разговор о том, можем ли мы принять эту схему? Большинство выступило «за». Но был также поднят вопрос касательно защиты наших производителей. В частности, речь шла о кабельной продукции. Если пойдет сюда без оценки кабельная продукция с Китая, то, наверное, наши заводы будут испытывать большое давление. В ходе дискуссии Минпром высказался за то, что нужно четко составить перечень продукции, где упрощенная схема возможна. А Минэкономразвития заняло другую позицию, которая была поддержана бизнесом, – давайте сделаем короткий список того, где нельзя. Постановление правительства, которое регламентировало эту схему, вышло 18 марта. Были решены много технических вопросов: как проходить таможенно, как это регистрировать? Был полностью переделан соответствующий блок государственной информационной системы Росаккредитации, но этого было недостаточно. Пришлось каждую неделю проводить по два совещания в режиме видеоконференции с бизнесом, для того чтобы выяснить на какой таможне груз был остановлен и т.д.

Шохин А.Н.: Но есть же эффективный механизм.

Саламатов В.Ю.: На сегодняшний день мы имеем информацию о примерно 159-ти декларациях о ввозе партий такой

продукции. Было 6 или 7 случаев на таможне, но они были достаточно оперативно устранены. Это есть демонстрация того, что бизнес и власть умеют слышать друг друга. Диалог возможен, но одновременно с этим сегодня бизнесу необходимы серьезные права и доверие со стороны власти. Если государство выдержит сроки снятия всех проверок (а оно декларирует, что это будет достаточно долго), то бизнес, поверив, что действительно может хозяйствовать, найдет те нестандартные решения, которые позволят сделать новые цепочки поставок.

Шохин А.Н.: Кстати, продолжая эту тему, Виктор Михайлович, а что у нас с обеспечением лекарственными средствами?

Черепов Виктор Михайлович (председатель комиссии, член Правления и исполнительный вице-президент РСПП): Лекарственные средства мы будем по этой схеме запускать. Доверимся китайским надзорным органам и не будем их лицензировать и регистрировать в укороченном режиме?

Шохин А.Н.: Мы вообще в Китае покупаем 80% субстанций, которые зарегистрированы. Здесь положительным моментом стало то, что две недели назад было принято постановление правительства, которое разрешает ускоренную регистрацию не только субстанций, но и готовых форм.

Черепов В.М.: Более того, мы обратились к Правительству, чтобы по заявительному принципу регистрировать лекарства, если меняется какая-то из субстанций на какой-то препарат, чтобы не затягивать клиническими и доклиническими испытаниями. Аналогичное решение 1 апреля принято по медицинским изделиям - ускоренная регистрация, если меняется упаковка - картон, который был финский, а стал отечественный. Росздравнадзор говорит: «А вы проходите все испытания по новой», а, это - 6-8 месяцев, во-первых. Во-вторых, это стоит для бизнеса больших денег. Все это ведет к удорожанию лекарственных

препаратов. Поэтому, мы получаем субстанции 80%, в основном, из Китая и Индии и Вьетнама, которые у нас зарегистрированы. Поэтому мы будем просить увеличивать поставки.

Шохин А.Н.: Спасибо. Если кто-то хотел бы выступить - такую возможность дадим. Но так как мы почти на час задержались, давайте сделаем так. Мы хотели бы попросить коллег предоставить письменные тексты для публикации в журнале «Бизнес. Общество. Власть». Сегодня мы обсуждали некоторые системные вопросы и пытались обрисовать образ будущего, в том числе, через оценку рисков и возможностей. Но одновременно мы давали оценку текущей ситуации и мерам по преодолению текущего кризиса. Я полностью согласен с Кириллом Геннадьевичем: если просуммировать предыдущие кризисы, мы не дотянемся до нынешнего кризиса, по крайней мере, с точки зрения его глубины. Раньше мы кризисы переживали (например, 2008-2009 гг.) со всем миром и выходили из них практически совместно. 2014-2015 годы стали первым испытанием санкциями. Тогда многие вещи были запущены, то же в том числе импортозамещение. Хотя это не было доведено до того уровня когда мы могли бы сказать, что мы какую-то технологическую или иную независимость получили. Конкретный пример с авиацией, когда у нас, несмотря на все комиссии по импортозамещению, оказалось, что наши компании не заказывают SuperJet 100. Хотя он на 60% импортный, но даже это ему не помогло. Боинги и Эйрбасы оказались более привлекательными для наших авиатранспортных компаний, потому что они хотели быть в мировой системе, занимать места, звездочки получать и т.д. Я согласен с тезисом, который Яков Моисеевич высказал, что в первую очередь нам надо будет решать задачи, которые мы не сумели решить, например, импортозамещение или изменение структуры экономики. Понятно, что благоприятная конъюнктура мировая мешала нам быстро продвигаться в этом

направлении, хотя, естественно, попытки были. Первый блок - это то, что мы должны решить быстро, но в силу ряда причин делали медленно или не приступали даже к решению этих задач. Второй блок - это все-таки текущие меры. Это возможно те или иные решения, которые признаны бизнесом и властью как перспективные, прогрессивные и т.п.. Дело не только в переносе сроков. Надо чтобы появился ресурс для решения многих задач, экологических, в том числе, по той же маркировке и др. Но важно здесь фильтровать проекты как экспертам, так и Правительству, чтобы они нас не заводили в тупиковые ситуации. В экономической жизни роль малого бизнеса, безусловно, ключевая. Поэтому надо создавать условия и выращивать новое предпринимательство. Я не думаю, что если мы сокращенных чиновников пошлем в малый бизнес, то потребитель будет доволен этим. Потребитель будет оценивать это так: «Пока вы их будете учить, мы можем "дуба дать"». Необходимы радикальные изменения в системе надзора и контроля, в отношениях бизнеса с правоохранительной системой. Вопрос в том, что можно сделать с точки зрения гуманизации уголовного законодательства? В частности, зачем сажать предпринимателей по экономическим статьям в СИЗО до суда. Или зачем его сажать под домашний арест? Надо оставить ему возможность заниматься управлением компанией под залог или поручительство. Необязательно облегчать следователям работу путем помещения подозреваемого в СИЗО. И, безусловно, нужна широкая амнистия по экономическим статьям. Амнистию иногда критикуют за то, что добросовестные граждане, по сравнению с амнистированными недобросовестными, оказываются в худшем положении. Но кое-что удастся сделать. Например, Дума приняла поправки, которые позволяют следователям сейчас не передавать дела по налоговым преступлениям в суд без налоговой проверки. Мы над этим 10 лет бились, а кризисная ситуация позволила

быстро это продвинуть. Сегодня ситуация требует быстрых решений по усилению деловой активности и продвижению по ряду других направлений. Я согласен, что не все можно решить той же ипотекой для айтишников, но тем не менее, удерживать в стране надо всех, кто может решать задачи цифровой трансформации и кибербезопасности.

Что касается видения нашего экономического будущего, безусловно, мы раньше рисовали красивые картинки и программы. Достаточно вспомнить 42 социально-экономические инициативы Правительства, над которыми Правительство целый год работало. И где они сейчас? Тем не менее, надо смотреть на эти инициативы, которые были рассчитаны до 2030 года, на стратегический горизонт, привязанный к целям национального развития, чтобы не уйти в сторону. Это как раз задача - как в условиях тяжелейшего в истории современной России кризиса не забыть о том, кто мы и куда идем.

Поляков Л.В.: Александр Николаевич, у меня тут есть предложения, можно высказать?

Шохин А.Н.: Давайте.

Поляков Л.В.: Я уже не первый год участвую в конференциях нашей кафедры, поэтому могу высказать свои впечатления. Мне кажется, что сегодня не только был фантастически качественный анализ очень трудной ситуации, но и высказаны просто прорывные предложения. Поэтому предлагаю стенограмму сегодняшнего заседания передать научному руководителю нашего ВУЗа, Ярославу Ивановичу Кузьминову, который является координатором Экспертного совета при Правительстве. Полагаю, что вещи, которые сказаны относительно малого бизнеса и по другим вопросам, должен стимулировать диалог. Спасибо.

Шохин А.Н.: Что касается работы по линии Экспертного совета, идея правильная. Многие из нас участвуют в рабочих группах Экспертного совета, и я думаю, что мы можем работать непосредственно по продвижению тех или

иных тем. Например, я там три группы возглавляю вместе с рядом коллег: это и по устойчивому развитию (откуда название нашего круглого стола), вчера заседала рабочая группа по экологии и природопользованию, есть группа по промышленной политике. Суть работы Экспертного совета такова, что рабочие группы готовят свои предложения как системные, так и оперативные, и делают какую-то экспертизу, в том числе, проектов нормативных актов. Конечно, эта экспертиза - не режим ОРВ, но тем не менее. Сегодня мы поняли, что некоторые законопроекты достаточно сырыми приходят в Государственную Думу, и

также сырыми они принимаются, приходится вдогонку их корректировать. В частности, когда был запрет на вывоз оборудования для целей ремонта с последующим ввозом в Россию, выяснилось, что у нас рухнула промышленная кооперация с Беларусью. Пришлось срочно корректировать это решение. Поэтому, надо действительно смотреть за правоприменением, оценивать эффективность этих решений, в том числе, в рамках Экспертного совета при Правительстве, учитывая, что у нас там большое присутствие. Спасибо всем за участие.